

В. В. ЯКОВЛЕВ

Тюменский университет

КОЛЛЕКЦИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЙ: ПРИМЕР ТИПОЛОГИИ*

II. «Скрытые предзнаменования» (19)

Случаи с «явными предзнаменованиями» не единственные в варварских хрониках. В «Историях» содержится достаточное количество примеров, похожих на традиционные знамения, но, не известно по каким причинам, знамениями не называющихся. Я отношу их к типу «скрытых предзнаменований». У Григория Турского мною обнаружено семь подобных случаев, размещенных, что особенно интересно, по отдельным главам (Greg. Tur. VII. 45; VIII. 23; IX. 17, 22, 44; X. 25, 30).

В хронике Павла Диакона «скрытых знамений» почти в два раза больше. По моим подсчетам, в двенадцати главах «Истории лангобардов» присутствуют описания предзнаменований (Paul. Dias. III. 23, 30; IV. 2, 10, 14, 31, 32, 33; V. 15, 31; VI. 5, 9). Регулирующими критериями для причисления того или иного сюжета к знамениям, за отсутствием в текстах этих глав соответствующих терминов, я предлагаю считать: 1) сходство со случаями «явных знамений», а также 2) провиденциалистскую атмосферу, образующуюся вместе с каким-либо происшествием.

Композиционный каркас моей коллекции хроникальных предзнаменований зиждется на методе формализации, т. е. создании лексико-логической основы для их описания. На примере «явных знамений», напомним, он реализовался в управлении специальными латинскими терминами. Формализация «скрытых знамений» будет включать в себя, помимо цитирования соответствующих глав, еще и выработку единого подзаголовка, отражающего доминантный знаковый набор знаменательных казусов «скрытого» типа. На деле, как явствует из Таблицы № 1, в главах могли упоминаться и другие «скрытые знамения», не включенные мной в формальный подзаголовок.

«Historia Francorum» (7)

Голод как предзнаменование (1)

II. 24. В главе «De fame anni presentis» («О голоде, бывшем в этом году»), турский епископ рассказал: «В этом году (585 г.) почти всю Галлию постиг большой голод. Действительно, очень многие пекли хлеб из косточек винограда, из цветка лесных орехов, некоторые — из корней папоротника, высушенных и истолченных, примешивая к этому немного муки. Многие же рвали зеленые всходы [нивы] и делали то же самое. Кроме того, много было людей, вовсе не имевших зерна, и они, собирая различные травы и питаясь ими, опухали и умирали. И очень много людей в то время, ослабев от голода, поумирало [...В. Я.]» (Greg. Tur. VII. 45).

Валентин Валентинович Яковлев, кандидат культурологии, доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков Тюменского государственного университета, изучает структуры ментальности западноевропейского раннего средневековья.

*Исследование поддержано грантом ФЦП «Интеграция» (02-30022). Начало, см.: Европа: Междунар. альманах. Тюмень, 2002. Вып. 2. С. 33-42.

Природные катаклизмы как предзнаменование (4)

II. 25. К 585 году относится другое сообщение, сделанное Григорием Турским в главе «De diluviis» («О наводнениях»): «В этом году прошли обильные дожди и реки так наполнились водой, что не раз случались кораблекрушения. И сами реки, выйдя из берегов и затопив ближайшие пашни и луга, сильно их опустошили. Весенние и летние месяцы были такими сырыми, что это время больше походило на зиму, чем на лето» (Op. cit. VIII. 23).

II. 26. В главе «De exiguitate anni huius» («О погоде этого года») запечатлены природные катаклизмы 587 года: «В этом году весной прошли сильные дожди, и когда деревья и виноградники уже зазеленели, все покрыл выпавший снег. Последовавший затем мороз погубил как виноградные лозы, так и другие появившиеся уже плоды. Наступил такой холод, что от мороза гибли даже ласточки, прилетевшие из других стран. Поразительно, что мороз все уничтожил там, где он никогда не причинял вреда, там же, где он обычно наносил ущерб, его не было» (Op. cit. IX. 17).

II. 27. В главе «De temperie anni praesentis» («О погоде этого года») франкский историк был увлечен описанием целой серии «скрытых предзнаменований»: «В этом году (591 г.) в апреле месяце страшная чума поразила людей, живущих в областях Тура и Нанта, так что каждый заболевший некоторое время сначала страдал головной болью, а потом испускал дух. Но после дней молений, строгого воздержания и поста и раздачи милостыни сила гнева господня утихла и бедствие отступило.

А в городе Лиможе из-за нарушения дня воскресного, в который выполняли общественные работы, многие погибли от небесного огня («[...]В. Я.] plerique igne caelesti consumpti sunt»). Ибо свят этот день, первым увидевший созданный свет вначале и ставший свидетелем воскресения господина, вот почему он должен соблюдаться христианами со всей строгостью, и нельзя в этот день отдаваться каким бы то ни было общественным делам. В Туре тоже некоторые сгорели от этой молнии, но не в воскресный день.

Была сильная засуха, которая выжгла всю траву, поэтому среди мелкого и вьючного скота начался страшный мор, и осталось лишь немного скота для размножения, как предсказал пророк Аввакум: «И не станет овец из-за корма и не будет рогатого скота в стойлах»¹. И чума эта свирепствовала не только среди домашнего скота, но и среди диких зверей. В самом деле, в лесных зарослях находили много дохлых оленей и прочих животных, лежащих на дорогах. От сильных дождей и от разлива рек погибло сено, урожай хлеба был ничтожно мал, а виноградники дали обильный урожай; хотя на дубах и появились желуди, но они не созрели» (Op. cit. X. 30).

II. 28. Глава с идентичным названием — «De temperiae anni praesentis» («О погоде этого года») гораздо короче предыдущей и ее содержание больше соответствует подзаголовку: «В этом году (589 г.), сразу же после пасхи, прошел такой сильный дождь с градом, что в течение двух или трех часов видели, как даже там, где были маленькие ручейки, бежали стремительные потоки воды. Осенью зацвели деревья и дали столько же плодов, сколько они давали ранее. В ноябре расцвели розы. Реки наполнились водой сверх меры, так что, выйдя из берегов, они затопили места, до которых они обычно прежде не доходили, нанеся немалый ущерб посевам» (Op. cit. IX. 44).

¹ Это не дословная цитата. В реальности фрагмент выглядит так: «Хотя бы не расцвела смоковница и не было плода на виноградных лозах, и маслина изменила, и нива не дала пищи, хотя бы не стало овец в загоне и рогатого скота в стойлах, — но и тогда я буду радоваться о Господе и веселиться о Боге спасения моего» (Ab. 3. 17, 18).

Чума как предзнаменование (2)

II. 29. Чуму нередко предсказывали по знамениям. Но и сама она могла бы восприниматься как предзнаменование в стиле апокалиптических пророчеств. Так, в главе «De interitu hominis, qui se Christum dicebat» («О смерти человека, выдававшего себя за Христа») говорится: «А в Галлии, в Марсельской провинции, распространилась болезнь (в 591 г.), о которой я часто упоминал (вероятно, паховая чума. — В. Я.). Области Анжера, Нанта и Ле-Мана постиг страшный голод. Ведь это было началом болезней, о которых сказал господь в Евангелии: «И будут глады и моры и землетрясения по местам; и восстанут лжехристы и лжепророки и дадут знамения и чудеса на небе, чтобы прельстить избранных»². Совершенно то же произошло и ныне [...В. Я.]» (Op. cit. X. 25).

II. 30. Тогда и главу «De lue Massiliensis urbis» («О чуме в городе Марселе»), повествующую о страшной эпидемии, поражающей марсельцев несколько раз, начиная с 588 г. (Op. cit. IX. 22), правильно причислять к главам со знамениями.

«Historia Langobardorum» (12)

Молния как предзнаменование (2)

II. 31. Как предзнаменование, вероятно, следует рассматривать события, на описании которых Павел Диакон сосредоточился в главе «Quomodo rex Authari in Baiuariam, ut suam sponsam videret, perrexit (;) et quomodo eam accepit uxorem» («Каким образом король Аутари прибыл в Баварию, чтобы увидеть свою невесту (;) и каким образом он получил ее в жены»). На свадьбе короля Аутари и дочери короля баваров Теоделинды присутствовал герцог Турина Агилульф (ок. 589 г.?). Однажды во время грозы молния поразила дерево, растущее в королевской резиденции, и герцог, — дословно следуя лангобардскому хронисту, — «[...]В. Я.] призвал некоего мальчика из своих гаруспиков, который по дьявольскому искусству разъяснил, какое будущее *предвещает* удар молнии. При исполнении обрядов рядом с ним находился Агилульф, [и] он открыл секрет, что эта женщина, совсем недавно ставшая женой их короля, по прошествии короткого времени в будущем станет его женой. [...]В. Я.] Все это и случилось впоследствии [...]В. Я.]» (Paul. Diac. III. 30).

II. 32. Молния, мелькнувшая в небе или убившая кого-нибудь, как повествуется Павлом Диаконем в главе «Bellum Francorum cum Saxonibus» («Война франков с саксами»), должно быть, тоже воспринималась как предзнаменование: «В это время (ок. 604 г.) франки и саксы воевали между собой, истребив друг друга во множестве. В Тицине в базилике блаженного апостола Петра псалмопевец был сражен молнией» (Op. cit. IV. 31).

Комета как предзнаменование (5)

II. 33. Глава «De stilla comete et morte Iohannis episcopi et Euin ducis, et de Baiuariis» («О столпе кометы³ и смерти епископа Иоанна, герцога Эвина и о Баварии») у Григория Турского, скорее всего, называлась бы «О знамениях»: «Между тем в течение следующего месяца января (595 г.?) являлся утром и

² Все это — «признаки пришествия» («*signum adventus*») Христа (Mt. 24. 3, 7–8, 24, 30; Mar. 13. 22). См.: Biblia Sacra iuxta Vulgatam versionem / Adiuuantibus V. F. Osb, etc. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1983.

³ Применять здесь словарное значение слова «*stilla*» — «капля» бессмысленно. См.: Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1996. С. 727. Я посчитал, что «*stilla*» есть редуцированное «*stella*», во втором своем значении приравняемое к «*stela*», что переводится как «столб», «столп». См.: Он же. Указ. соч. С. 726.

вечером столп кометы («*stella cometis*»). В этот же месяц скончался архиепископ Равенны Иоанн. Который в город Magianus гражданами Рима был назначен. Умер также Эвин, стоявший во главе Тридента, в это же место был послан вождь Гаидоальд, хороший муж и верный католик. [...]В. Я.] В это время первые дикие коваллы и бубай переместились в Италию, народу были *чудеса* («*miracula*»)» (Op. cit. IV. 10).

II. 34. В главе «De pace facta cum Smaracdo patricio, et de captis Tusciae civitatibus» («О мире, заключенном патрицием Смарагдом, и о захвате городов Тусции») написано: «Наконец, по наступлению ноября (605 г.) король Агилульф заключил с патрицием Смарагдом мир, получив от римлян двенадцать солидов. Были заняты лангобардами города Тусции, а также императорские термы и Старый Город. Так же в те дни месяцев апреля и мая являлась в небе звезда⁴, которую кометой называют («[...]В. Я.] *apparuit in caelo stella quam cometem dicunt* [...]В. Я.]»). Вслед за этим король Агилульф вторично заключил мир с римлянами на три года» (Op. cit. IV. 32).

II. 35. Павел Диакон не преминул упомянуть о комете и в главе «De morte Severi patriarche et sacerdotio Iohannis et Candidiani» («О смерти патриарха Северина и о первосвященничестве Иоанна и Кандидиана»): «В дни, когда умер патриарх Северин (ок. 606 г.), на его место с согласия короля и герцога Гизульфа был назначен патриарший аббат древней Аквилеи Иоанн. В Градо на то же место был поставлен римлянами Кандидиан первосвященник. Снова в ноябре и декабре месяца появлялся столп кометы («*stella cometis apparuit*»). После также умершего Кандидиана в Градо был назначен патриарх Епифаний, который был примикерием нотариев у римских епископов. И с того времени стало два патриарха» (Op. cit. IV. 33).

II. 36. В главе «De stella comete, et de operibus Domi papae» («О столпе кометы и деяниях папы Домна») читаем: «Некоторое время спустя после августа месяца (676 г.?) со стороны востока показался столп кометы («*stella cometis*») с чрезвычайно сверкающими лучами, которые после своих вспышек исчезли. Без промедления тягостная чума, пришедшая со стороны востока, опустошила римский народ. В эти дни Домн, папа римской церкви, освященный Эдемом, перед базиликой апостола Петра воздвиг белоснежные и величественные мраморные статуи» (Op. cit. V. 31).

II. 37. В главе «De stella obscura que tunc apparuit, et de eructatione Bebbii montis» («О затемненной звезде, которая явилась в то время, и об извержении вулкана Bebbius») знамения описаны одно за другим: «В то время (ок. 685 г.) ночью, между Рождеством и Богоявлением, в ясном небе, рядом с созвездием Плеяд, явилась совершенно затемненная («*omnimodo obumbrata*») звезда, как если бы луна была закрыта тучей. После этого, в феврале, в середине одного из дней, на западе появилась звезда, которая с ярким сиянием удалилась в сторону востока. После марта несколько дней происходило извержение Bebbius, так что вокруг все растения были покрыты пылью и обратились в пепел» (Op. cit. VI. 9).

Затмения луны и солнца как предзнаменования (1)

II. 38. Впечатление зависимости чьей-либо смерти, вспышки эпидемии чумы от природно-космических процессов не покидает нас и в ходе ознакомления с главой «De eclipsi lunae et solis, et de pestilentia quae Romae et Ticini facta est» («О затмении луны и солнца и о чуме, случившейся в Риме и Тицине»): «В это время в течение восьмого часа произошло затмение луны (680 г.).

⁴ Здесь, по нашему мнению, лучше использовать первое словарное значение слова «*stella*» — «звезда». См.: Дворецкий И. Х. Указ. соч. С. 726.

Почти в то же время, на майские ноны, как будто в десятом часу дня, произошло затмение солнца (679 г.). Вскоре вслед за этим последовала и продолжалась три месяца в июле, августе и сентябре сильнейшая чума; и был такой великий мор, что родителей с детьми, а также братьев и сестер по два на погребальные носилки клали, провожая к кладбищу возле Рима. Такого же рода чума Тицин опустошила, так что оставшееся население начало спасаться бегством через горы и различные места, через улицы и площади городов, через хлеба и кустарники [...В. Я.]» (Op. cit. VI. 5).

Чума как предзнаменование (1)

II. 39. Предзнаменованиями, вероятно, считались события главы «*De peste arut Ravennam et mortalitate arut Veronam*» («О чуме в Равенне и о море в Вероне»): «В последующее время (ок. 600 г.) Равенну с ее прибрежными окрестностями опять опустошила тяжелейшая чума. Вслед за этим в тот же год большой мор народ Вероны истощил» (Op. cit. IV. 14).

Природные катаклизмы как предзнаменование (3)

II. 40. В главе «*De aquae diluvio et miraculo quod factum est in basilica sancti Zenonis*» («О разливе вод и чуде, которое случилось в базилике Святого Зенона») лангобардский хронист известил читателей: «В то время (окт. 585 г.) случилось наводнение в пределах Венеции и Лигурии и других областей Италии, какого, как считали, не было со времен Ноя. Потоки уничтожили чье-то имение или виллу с множеством скота. Пути разрушились, дороги размылись, русло реки Atesis настолько разрослось, [что] вокруг базилики Святого мученика Зенона, находящейся за пределами Вероны, вода доходила вплоть до самых окон свободно, как описал Святой Григорий, впоследствии папа, почти не затопив саму базилику. Верхняя часть города с верхними стенами и постройками с разных сторон тоже была разрушена наводнением. Случилось же это наводнение на шестой день ноября перед декабрьскими календами. Но были такие вспышки и раскаты грома, что едва ли случались в летнее время. Точно также по истечении двух месяцев верхний город Вероны с примыкающими частями был уничтожен пожаром» (Op. cit. III. 23).

II. 41. В хронике Павла Диакона мы находим случаи со «скрытыми знаменованиями» типа сообщений о погоде, распространенных и в сочинении франкского историка. Название и содержание главы «*De siccitate quae eodem anno fuit, et de locustis*» («О засухе, случившейся в тот год и о саранче») говорят сами за себя: «В тот год (591 г.) с января по сентябрь месяц была сильная засуха; и случился большой голод. На округу Тридента напало множество саранчи, которая была больше обычных размеров; рассказывают чудо («*mirum*»), что были объедены травы на болотах, но не тронуты посевы на полях. На следующий год произошло то же самое» (Op. cit. IV. 2).

II. 42. «Скрытые знаменования», вероятно, описаны Павлом Диаконом и в главе «*De pluviis et tonitruis, quae eo tempore nimiae factae sunt*» («О случившихся в то время сильных дождях и громах»): «В то время (ок. 663 г.) такие дожди и такие громы были, каких ни один человек не мог припомнить, так как бесчисленное множество людей и животных были убиты тысячами молний. В этот год из-за дождей бобы не могли быть собраны, постоянно появлялись и продолжали зреть» (Op. cit. V. 15).

Итак, на сегодняшний день моя коллекция раннесредневековых предзнаменований состоит из 23 сюжетов с «явными знаменованиями» и 19 сюжетов со «скрытыми знаменованиями». Естественно, текстовая обработка раннесредневековых знаменований не завершается их внешней типологией по формальному критерию наличия или отсутствия для них в текстах специальных терминов. Она лишь подготавливает почву для более сложной и ответственной операции —

вычленению из бесконечной, на первый взгляд, вереницы образов предзнаменований их стереотипных рядов, могущих накладываться, при этом, на материал любых других средневековых текстов как клише. Признаюсь, здесь трудно избежать исследовательского субъективизма, так как в источниках, помимо часто встречающихся и хорошо распознаваемых образов, содержатся и описания уникальных знаменований, не попадающих ни в один образно-знаковый блок. Такие предзнаменования, думается, разумно выделять в самостоятельные образные ряды, не боясь их излишнего раздробления, т. к., в конечном итоге, они составят группу каких-нибудь «нетрадиционных» (и проч.) знаменований.

Нахождение стереотипных образов знаменований полезно не только с позиций улучшения формальной организации исследуемого текстового пространства. Оно позволит выстроить иерархию предзнаменований, одновременно отображающую их социальную значимость: чем чаще упоминалось знамение — тем выше показатели его социальной востребованности, тем прозрачнее предпочтения в выборе моделей сакральных знаков, варьирующихся от эзотерических мистико-визионерских ситуативных шаблонов (как, например, в гаруспиции и ауспиции) до иррационально (пралогически) воспринятых, но вполне обыденных явлений.

Во франкской и лангобардской хронике можно различить до 12 стереотипных образных комплексов «явных предзнаменований», дополняемых каждый в своем случае одним или несколькими похожими по смыслу образными рядами. Вот как выглядит социально направленное описание раннесредневековых «явных знаменований» с указанием общего количества упоминаний и выявлением в этой связи условного рейтингового места конкретных образов, приравняемого к показателю социальной значимости воплощенных в них знаменований.

Чаще всего в качестве «явных знаменований» (Табл. № 2) в хрониках упоминаются 1) природные катаклизмы (похолодания, потепления, наводнения, засухи) и мор скота. Григорий и Павел ссылались на них в двенадцати случаях. Условное второе место в иерархии хроникальных предзнаменований поделили сразу два образно-знаковых комплекса (с идентичными образными рядами, перечисляемыми через наклонную черту). Это: 2) кометы/ «лучи в небе»/ звезды/ блестящие облака и также молния, гром/ «небесный огонь»/ «огненный шар»/ «огненные столпы в небе»/ сияния/ «огненные мечи»/ пожары в небе. И тот, и другой комплексы встречаются в хрониках по одиннадцать раз. На третьем месте расположились зооморфные образы, впрочем, увязываемые хронистами с вполне реальными представителями флоры и фауны, а не со сказочно-мифологическими жемчужинами. Этот комплекс репрезентируют 3) птицы, волки, змеи, саранча. Семь упоминаний.

Как это ни странно, лишь на четвертом месте стоят всевозможные 4) затмения луны и солнца/ «сияния»/ кольца вокруг солнца или луны. Всего шесть упоминаний. Пятую позицию в рейтинге занимают образы, ипостасью которых является 5) кровь/ кровавые облака. Хронисты сообщили о них пять раз. Шестое место принадлежит сразу четырем образно-знаковым комплексам: 6) обрушения стен/ пожары, так называемые знаменования-«совпадения» (поломка повозки перед дальним путешествием, наполнение источников в день Пасхи и проч.), землетрясения и «странные» знаменования (загадочные звуки, исчезновения). Все они встречаются в хрониках трижды. И, наконец, замыкают рейтинг стоящие на условном седьмом месте комплексы 7) [таинственных] знаков и чумы. По два упоминания.

Подобному же социально направленному ранжированию могут быть подвергнуты и образы «скрытых» хроникальных предзнаменований. Не трудно заметить, что и здесь знаковый ряд, в который входят 1) природные катаклизмы (похолодания, потепления, наводнения, засухи), мор скота и голод с

десятью упоминаниями занимает первое место в рейтинге образов (Табл. № 1). Однако и самих стереотипных образов «скрытых знамений» на порядок меньше: 7 образно-знаковых рядов вместо 12, которые я выделил на примере «явных предзнаменований». На втором месте с пятью упоминаниями, так же как и в случае с образами «явных знамений», стоит знаковый комплекс 2) *комет/ звезд*. Теперь, правда, он заметно беднее, т. к., во-первых, пока найден только в «Истории лангобардов» и, во-вторых, не содержит дополняющих его рядов в виде «лучей» в небе и проч.

Хочется подчеркнуть, что чума в срезе «скрытых предзнаменований» являет собой совершенно самостоятельный знак (и следовательно, знамение), тогда как на примере знамений «явных» чумные и другие эпидемии могли быть и знаменьями, если их образ входил в число предзнаменований по названию главы или по данному в тексте определению, и семантическими интерпретантами (значениями), если такового не наблюдалось. Профетический образ 3) *чумы*, рассматриваемый мной как «скрытое предзнаменование» в четырех ситуациях, занимает условное третье место в рейтинге. Два раза, притом только у Павла Диакона, в качестве «скрытого знаменья» выступала 4) *молния*. Это четвертое место. И завершают рейтинг образов «скрытых знамений» с условным пятым местом упоминаемые всего по разу (Павлом Диаконом) 5) *затмения (луны и солнца), пожар и саранча*. Схожие с параметрами «явных знамений» показатели частоты упоминания знакового образа для не помеченных специальными терминами профетических казусов, на мой взгляд, служат дополнительным аргументом в пользу их выделения в самостоятельный тип «скрытых предзнаменований».

Как явствует из проведенной терминологической систематизации «явных знамений» (Табл. № 3), на долю термина «*signum*» приходится большая часть соответствующих обозначений – 37. Это против 31 случая (суммарного!) использования четырех других терминов: «*prodigium*», «*portentum*», «*auspicium*» и «*praesagium*». По всей видимости, и качество социальной информативности термина «*signum*» было несколько выше, чем у его синонимов. Например, трижды он маркировал знаки, извещавшие о *смерти правителей государств и королевичей* (Greg. Tur. V. 18; VI. 25; VII. 11). Все остальные значения (семантические интерпретанты) и коды, вмещенные в знаки-знаменья, передаваемые в хрониках посредством «*signum*», также уместно признать социально-эталонными для каждого конкретного значения: 1) *эпидемия (чумы)* (Greg. Tur. IV. 31 [косвенно]; Paul. Diac. II. 4), 2) *несчастье* (Greg. Tur. VIII. 17, 24), 3) *благоприятный знак* (Greg. Tur. X. 23 [косвенно]), 4) *война* (Paul. Diac. II. 5; IV. 15 [косвенно]). У терминов «*portentum*» и «*prodigium*» доминантный семантический вектор разворачивается в знаках: 1) *эпидемий (чумы и оспы)* (Greg. Tur. V. 33, 41; VI. 14 [косвенно⁵]; Paul. Diac. IV. 4 [косвенно]), 2) *кровопролитных войн* (Paul. Diac. IV. 4 [косвенно]), 3) *неудачного правления [смерти] короля и бедствий для страны* (Greg. Tur. IX. 5; Paul. Diac. VI. 55). Социальный контекст терминов «*auspicium*» и «*praesagium*» находил свое отражение в идентификации, соответственно, *неблагоприятных* (Greg. Tur. VI. 45) и *благоприятных знаков* (Greg. Tur. VIII. 4 [косвенно]).

⁵ Чуму в данном случае можно считать и семантическим интерпретантом, и знаменьем, т. к. она входит в знаковый ряд главы под названием «*De portentis, que apparuerunt*».

Еще шесть сюжетов с «явными знаменьями» не поддаются непосредственной семантической идентификации («*signum*»: Greg. Tur. VI. 21, 44; VIII. 8; X. 23⁶; «*prodigium*»: Greg. Tur. V. 23; VI. 33⁷).

Таким образом, кажущееся многообразие значений (интерпретантов) хроникальных предзнаменований объемлется всего пятью константными: 1) знаменья смерти правителей государств, 2) неблагоприятные предзнаменования (неудачное правление и бедствия для страны, несчастье, неблагоприятный знак), 3) благоприятные знаменья, 4) знаменья войны, 5) знаменья эпидемий.

Резюмируя все выше сказанное, хочу подвести некоторые итоги. Результаты проведенного статейного исследования удобно распределить по четырем качественным показателям. Во-первых, мне удалось создать (пусть еще в чем-то набросные) лексико-грамматические шаблоны, применяемые в процессе описания хроникальных предзнаменований. Например, для знамений я использовал сразу несколько синонимичных форм: *образные* или *образно-знаковые комплексы (ряды, сюжеты, блоки)*, *профетические, знаменательные казусы*. Наличие специфического семиотического дискурса, в свою очередь, почти автоматически придает предзнаменованиям статус сложных *семантических конструктов* со своей логикой и внутренней связью. Значения предзнаменований отнесены мной в разряд *семантических интерпретантов*.

Во-вторых, теоретико-методологическое значение имеют мои опыты по *формализации, типологизации, выявлению стереотипных образно-знаковых рядов знамений, систематизации, определению показателя социальной значимости (социальному ранжированию) и сегментации константных значений* (интерпретантов) хроникальных предзнаменований. Между прочим, названные операции со знаменьями и их значениями пополняют предъявленный лексико-грамматический аппарат. Как видно, проведенная типология представляет собой не итоговую, а инструментальную часть работы с хроникальными знаменьями. За ней последовало упорядочивание образных комплексов «явных» и «скрытых» знамений, кои трансформировались в 12 и 7 стереотипных рядов, соответственно. Целесообразно отметить, что данная процедура была призвана учесть максимально большее число образов хроникальных предзнаменований. Дальнейшая работа в этом направлении возможна как по пути образного дробления, так и по пути максимального укрупнения образно-знаковых сюжетов, число которых можно свести всего к двум базовым блокам: 1) «*небесные знаменья*» (образные комплексы I. 1, 4, 5, 6, 9; II. 2, 4, 5), 2) «*земные знаменья*» (образные комплексы I. 2, 3, 5, 7, 8, 9, 10, 11; II. 1, 3, 6, 7).

Элементы систематизации содержатся в привязке образно-знаковых комплексов к конкретным терминам. Увы, пока это исключительно механическая, внешняя процедура, не позволяющая, например, приравнивать терминологическую россыпь хроникальных предзнаменований к их классовому дроблению: класс «*signum*», «*portentum*» и проч. Причины, заставляющие хронистов, в общем-то, похожие образно и по смыслу знаменья вмещать в разнящиеся (иногда кардинально) определения, пока остаются не вполне прозрачными. Лексика знамений, запечатленных в раннесредневековых хрониках, вообще

⁶ Вообще, в этой главе я бы выделил два блока предзнаменований. Первый — уже квалифицированный мной как «*благоприятный знак*» — наполнение источников в день празднования Пасхи. И второй — все остальные предзнаменования, к которым здесь, исходя из названия главы («*De signis et dubietate pasche*»), целесообразно относить и чуму.

⁷ Здесь возможна и косвенная интерпретация: это, вместе с саранчой, знаменья чумы.

заслуживает особого внимания и нуждается в отдельной проработке. По самым предварительным наблюдениям на нее в достаточной степени повлияла библейская традиция. Я могу сослаться на более чем сорок примеров, когда в Вульгате к предзнаменованиям применен термин «*signum*» (Gn. 4. 15; 17. 11; Ex. 31. 13, 17; Nm. 14. 11, 22–23; Ps. 77. 43; Mt. 12. 38–39; Io. 2. 18; Act. 2. 19; Arc. 13. 13–14 и проч.). Чудеса в Вульгате идентифицируются терминами: 1) «*prodigium*» (Deut. 6. 22; Mt. 24. 24; Io. 4. 48; Act. 2. 22; 4. 30; 6. 8; Rm. 15. 19); 2) «*portentum*» (Heb. 2. 4; Mar. 13. 22; Deut. 4. 34; 7. 19; 13. 1; 26. 8; 29. 3; 34. 11; Hier. 32. 20); 3) «*ostentum*» (Ex. 7. 3; 11. 10); 4) «*signum*» (Ex. 34. 10; Io. 2. 11; Arc. 13. 14; 19. 20); 5) «*mirabilia*» (Ps. 71. 18; 77. 4; 1 Par. 16. 12; Dan. 3. 32, 33; 6. 27); 6) «*virtus*» (Act. 19. 11). Если же признавать зависимость чудесно-знаменательного тезауруса хронистов от библейских аналогов, то потребуется корректура русскоязычного перевода терминов «*prodigium*» и «*portentum*» в тексте «Истории франков», которые у В. Д. Савуковой в большинстве случаев проходят как «знамения», а не как «чудеса»⁸.

Систематизация стала материалом для нового обобщения, имеющего кроме прикладного — семиотического, еще и универсальное — историко-культурное значение. С таких позиций я склонен оценивать осуществленное социальное ранжирование образов знамений и терминов к ним применяемым. Показатели частоты использования какого-нибудь знаменного образа в качестве знамения неминуемо указывают на *ментально-лингвистические предпочтения* в фиксации знаменательного, соотносимые с культурно-исторической эпохой — т. е. ранним средневековьем. Я лишней раз убеждаюсь в известной архаизации восприятия предзнаменований и самих их образов, произошедшей в христианизированных варварских обществах. Под таковой я склонен понимать сведение к минимуму предзнаменований мистико-эзотерического происхождения и, напротив, увеличение числа как бы нарочито незамысловатых природно-космических знамений. Одним из приемлемых ее объяснений, наверное, может стать некоторая культурно-семантическая нейтральность подобных знаков, легально включенных и в христианскую систему мировидения (вспомним хотя бы новозаветные «знамения времен», Mt. 16. 1–4). Очевидно, они жестко противопоставлялись той части античных (особенно римских) знамений, которые вызывались и истолковывались при помощи изощренных мистико-религиозных процедур, пребывающих в явной оппозиции к христианским культовым и ценностным приоритетам.

В-третьих, принципы и приемы, положенные в основу заполнения Таблиц № 1 и 2, позволяют видеть в них свойства справочных систематизаторов, пригодных для дальнейшего изучения хроникальных предзнаменований и могущих использоваться в процессе интерпретации знамений, встречающихся в других средневековых текстах, включая *Biblia Sacra iuxta Vulgatam versionem*. И последнее. В-четвертых, коллекция и базирующаяся на ее фундаменте типология хроникальных предзнаменований имеют перспективы быть развитыми в еще более интересном исследовательском ракурсе, связанном с проблемой значений пророческих казусов. Признаюсь, теперь она мною лишь обозначена, но именно в ее постановке и последовательном решении я вижу необычайно

⁸ Григорий Турский. История франков / Пер. В.Д. Савуковой. М., 1987. С. 114–115 (в названиях V. 23, 33, 41), 136, 140, 157 (в названиях VI. 14, 33), 169, 245 (в названии IX. 5), 247. То же самое распространяется и на соответствующие места в «Истории лангобардов»: в названии IV. 4; в тексте VI. 55.

широкие и мало кем из историков⁹ используемые возможности по превращению знамений и чудес, описанных в разного рода средневековых сочинениях, в функциональные текстовые образования (со свойствами историко-культурных фактов), способствующие лучшему проникновению в специфику средневековой же ментальности.

Табл. № 1 (справочная). «Скрытые знамения» в «Истории франков» Григория Турского и в «Истории лангобардов» Павла Диакона

Образные комплексы	1. Пожар	2. Затмения	3. Саранча	4. Кометы/звезда	5. Молния	6. Природные катаклизмы (похолодания, потепления, наводнения, засухи), голод, мор скота	7. Чума
HF						VII. 45; VIII. 23; IX. 17, 44; X. 25, 30	IX. 22; X. 25; 30
HL	III. 23	VI. 5	IV. 2	IV. 10, 32, 33; V. 31; VI. 9	III. 30; IV. 31	III. 23; IV. 2; V. 15; VI. 9	IV. 14
Всего	1	1	1	5	2	10	4

Табл. № 2 (справочная). Образы «явных знамений» в «Истории франков» Григория Турского и в «Истории лангобардов» Павла Диакона

Термины	Signum				Prodigium (1) Portentum (2)				Всего
	1.1		1.2		1.1		1.2		
Образные комплексы	H	H	F	L	F	L	F	L	
	F	L	F	L	F	L	F	L	

⁹ В качестве исключения могу сослаться на опыт И. Н. Данилевского. Его рассуждения о ценно-парафрадном языке отдельных частей древнерусских текстов вполне применимы к некоторым хроникальным фрагментам со знамениями.

1.	IV			V. 23, 41 (1)				
Затмения луны и солнца/ "сияния"/ кольца вокруг солнца или луны	. 31; VI. 21, 41; X. 23							
2.	VI							
Землетрясения	. 21; VII. 11; X. 23							
3. Знаки		I. 4						
4. Кометы/ "лучи в небе"/ звёзды/ блестящие облака	IV. 31; VII. 11; VIII. 8, 17		18; VIII. 24	. 23, 41; VI. 33; IX. 5 (1); VI. 14 (2)				1
5. Кровавые облака	VI . 21	V. 15		. 33 (1); VI. 14 (2)	I. 4 (2)			
6. Молния, гром/ "небесный огонь"/ "огненный шар"/ "огненные столпы в небе"/ сияния/ "огненные мечи"/ "пожары в небе"	VI . 21, 25; VII. 11; VIII. 8; X. 23	V. 15	I. 5	. 23, 41; VI. 33 (1); VI. 14 (2)				1
7.	IV							
Обрушения стен, пожары	. 31; VI. 21			. 33 (1)				

8.	IV							
Природные катаклизмы (похолодания, потепления, наводнения, засухи), мор скота	. 31; VI. 25, 44; VII. 11; VIII. 8; X. 23			. 23, 33, 41; IX. 5 (1); VI. 14 (2)	I. 4 (2)			2
9. Птицы	IV							
волки, саранча, змеи	. 31; VI. 21, 44			. 41; VI. 33; IX. 5 (1)				I. 55 (2)
10.	X							
"Совпадения": половая повязка, наплевничество источников и проч.	23							I. 45 (3); VIII. 4 (4)
11.	I							
"Странное" землетрясение; непонятные звуки, исчезновения	I. 4			X. 5 (1); V. 33 (1)				
12. Чума	X							
	23			I. 14 (2)				

SUMMARY

The Author finishes of typology of omens embodied in the chronicles of Gregory of Tours and Paul the Deacon. 19 cases so-called «of the latent signs» here are described. For their designation chroniclers did not use the special terms. However their figurative and semantic colour almost thoroughly coincide with known examples «of obvious signs».